

Л.В.Дьякова

Гуманистическое движение в Латинской Америке

Мировоззрение и социально-политическая практика

Статья посвящена идеологии и социальной практике латиноамериканского Гуманистического движения — своеобразного варианта альтернативного левого течения. Автор анализирует основные принципы *силоизма* — философской доктрины гуманистов, особенности их политической стратегии, международную деятельность, причины подъема и спада интереса к гуманистам в России.

Ключевые слова: Гуманистическое движение, гуманистические партии, Сило, новые социальные движения.

Возрастание роли человеческого фактора в современном мире проявляется в различных событиях и процессах — и абсолютно новых, не известных обществу конца XX в., и возникших совсем давно, но в тот период малозаметных на фоне других обстоятельств и проблем. Применительно к реалиям современности речь идет о распространении массовых протестных настроений и новых форм протестных движений, о разочаровании в идее демократии как универсальной ценности, о растущей озабоченности все более широких слоев общества проблемами устойчивого развития, экологии, социальных диспропорций, бедности и неравенства, отсутствия жизненных перспектив. Общество начинает предъявлять все более высокие требования к государству, а общественные настроения в определенные моменты развития способны играть не менее важную роль, чем самые решительные действия правительств.

Ряд отечественных политологов и социологов, анализируя мировую ситуацию последних лет, делает акцент на появлении даже нового типа «человека политического» — активного, уверенного в своих возможностях, все более воспринимающего себя субъектом, а не объектом политики, самостоятельной единицей политического процесса¹. Такой человек стремится выстраивать не «вертикальные», а «горизонтальные» отношения с властью, активно участвовать в событиях и влиять на них. Это явление ста-

---

¹ Людмила Владимировна Дьякова — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН (diakova65@mail.ru).

ло особенно заметным в России 2011—2013 гг., однако не менее актуально и для других стран — с учетом специфических особенностей их менталитета, политической культуры и социальной жизни.

Характерные черты этот процесс приобрел и в Латинской Америке, где в силу традиции и сложившегося положения основное внимание и государства, и общества в последнее десятилетие сконцентрировано в первую очередь на социальных проблемах, а сама политика нередко воспринимается прежде всего как социальная деятельность государства. Этот подход абсолютно оправдан, если вспомнить о многолетнем социальном неблагополучии региона, о масштабах бедности, о комплексах «зависимости», «второсортности», «социальной исключенности», т.е. ненужности, «выброшенности» из нормальной жизни, свойственных массовому сознанию низших слоев населения стран Латинской Америки.

Необходимо отметить, что наиболее развитые латиноамериканские государства в последние годы стали уделять существенное внимание социальной политике как важнейшему инструменту смягчения этого неблагополучия, гармонизации общественных противоречий, сглаживания наиболее острых диспропорций развития. Социальные программы по преодолению бедности и социальной эксклюзии, принятые в начале XXI в. в Бразилии, Мексике, Аргентине, Чили, Уругвае, Перу, Эквадоре и др. странах региона, уже привели к значительному снижению уровня абсолютной бедности и стали важнейшим инструментом государственной стратегии в решении социальных проблем, примером успешного взаимодействия власти и общества. Соответствующие программы принимались также в образовании и здравоохранении, в сфере молодежной политики, пенсионного обеспечения, в реализации гендерного подхода и других важнейших областях.

В то же время, признавая незаменимость участия государства в социальной сфере, необходимо иметь в виду и ряд моментов, которые стали особенно очевидны в последние годы. Принимая масштабные программы, ставя задачи, для выполнения которых необходимы усилия всего общества, государство (в силу самой своей природы) нередко допускает серьезные ошибки и просчеты. В частности, оно практически не учитывает специфику различных категорий населения, особенно достаточно разнородных бедных слоев и молодежи, использует сухие статистические данные и схемы, не может просчитать психологические последствия планируемых мер. В результате эффективные показатели не всегда отражают реальное положение дел и практически ничего не говорят о настроениях той или иной группы общества.

Например, социальные программы, известные как «программы с обусловленными выплатами» («de transferencias condicionadas»), широко распространенные в регионе, нередко становятся объектом общественной критики. Проблема заключается в том, что значительные денежные средства, направляемые беднейшим семьям, которые обязуются вкладывать их в образование и здоровье своих детей, не сопровождаются улучшением соответствующей инфраструктуры, т.е. повышением качества обучения в государственных школах и качества медицинского обслуживания, доступного малообеспеченным категориям населения. В итоге объем затраченных государством усилий и средств не соответствует получаемым результатам, что только четче очерчивает социальные границы и усиливает напряженность в обществе. Особенно наглядно это проявляется в образовательной сфере.

Несмотря на практически полный охват населения начальным образованием и значительное распространение среднего, ликвидацию неграмотности, наличие специальных социальных проектов, основной проблемой большинства латиноамериканских стран является низкий уровень обучения в государственных школах. Это фактически ставит крест на возможностях получения полноценного образования молодежью из бедных слоев общества, что означает сокращение их жизненных шансов по сравнению с детьми из состоятельных семей. Данный факт признает общественность и особенно подчеркивает латиноамериканское исследовательское сообщество.

Например, на XVI конгрессе Международной федерации по изучению Латинской Америки и Карибов (*Federación Internacional para Estudios de América Latina y el Caribe, FIEALC*)², проходившем в октябре 2013 г. в Турции под эгидой Университета Анкары, отмечалось драматическое несоответствие между огромным опытом осуществления социальных программ, которым располагают латиноамериканские страны, и явной ограниченностью, недостаточностью их результатов. Этот вывод был проиллюстрирован многочисленными примерами.

По мнению венесуэльских докладчиков (университетских преподавателей), даже деятельность государственных университетов в Венесуэле, организованных правительством Уго Чавеса специально для молодежи из малообеспеченных слоев населения, в итоге не привела к качественному расширению возможностей данной социальной группы на рынке труда: крупные корпорации по-прежнему предпочитают брать на работу выпускников престижных университетов (частных или государственных), что делает целую категорию молодых людей, попытавшихся преодолеть порочный круг бедности с помощью образования, «безработными с дипломом». Перуанские и мексиканские исследователи, анализировавшие практику мультикультурных двуязычных школ для индейских детей (которые часто рассматриваются в специальной литературе именно как пример успешной работы с коренным населением), подчеркивали реальную неспособность этих школ дать полноценное среднее образование и включить индейскую молодежь в современное общество. Единственный приемлемый для этой молодежи способ повысить свой социальный статус — стать школьными учителями в индейских общинах и развивать практику двуязычного образования индейских детей. Это, безусловно, актуальный вопрос, однако реальные карьерные перспективы для молодых людей из среднего класса лежат в совершенно иной плоскости.

Нередко успехи в преодолении бедности оборачиваются в ряде стран ростом неудовлетворенности вчерашних бедных, вошедших в низшую страту среднего класса, но не увидевших при этом ни новых перспектив, ни возможностей для дальнейшего улучшения своего положения, в первую очередь для достойного образования своих детей. Студенческие бунты в Чили в годы президентства Себастьяна Пиньеры (2010—2014) стали наглядной демонстрацией общественного разочарования на фоне, казалось бы, вполне приемлемой и грамотной, проводимой уже 20 лет, социальной политики государства. Тем не менее попытка президента и технократического правительства повысить эффективность системы национального образования за счет принципа его социальности, его предназначенности (хотя бы теоретической) для каждого человека обернулась тяжелым кризисом не только для конкретного правительства, но и для всей модели чилийской демократии.

Необходимо оговориться, что предложенная Пиньерой (и заблокированная массовыми протестами, в том числе и гуманистами) реформа образования была вызвана объективными потребностями развития страны, необходимостью поддерживать конкурентоспособность наиболее модернизированных отраслей экономики, соответствовать требованиям мирового рынка. Однако ее важнейшим недостатком явилась жесткая стратификация по принципу: лучшим, наиболее работоспособным, профессиональным, талантливым (и студентам, и преподавателям) — наибольшие льготы и преимущества. Принцип бесплатности и общедоступности образования не рассматривался — рассматривались различные варианты получения стипендий, понижение процентной ставки по выплатам образовательных кредитов. Но общество ожидало другого — человеческого подхода, и отреагировало всплеском социального недовольства, беспрецедентным для всего периода постпиночетовского развития страны³.

Таким образом, универсалистский, формальный взгляд на вопросы развития, свойственный государственным проектам, сегодня все чаще не удовлетворяет отдельного человека, стремящегося к тому, чтобы его личное мнение, положение, проблемы, его собственная жизнь и жизнь его семьи были также значимы для государства и общества, как и глобальные вопросы.

По-видимому, государство, даже эффективное, социально ориентированное, должно быть дополнено еще и весьма противоречивым, специфическим для каждой страны «человеческим измерением». Иначе в обществе нарастают протестные настроения и недовольство, а самые благие намерения власти приводят к совершенно противоположным и на первый взгляд неожиданным результатам.

Однако в Латинской Америке конкретные проекты реализации «человеческого измерения» в политике, как и многие другие темы, в том числе и социальные программы, также имеют свою специфику.

Необходимо отметить, что многие фундаментальные, «всемирные» вопросы, которые давно и привычно волнуют общественное сознание на Западе, в латиноамериканском контексте воспринимаются совершенно по-особому, приобретают слишком «местечковые», с точки зрения европейского подхода, предельно прагматичные и конкретные очертания. Характерным примером является восприятие широко известной универсалистской концепции «устойчивого развития» («el desarrollo sostenible»), развиваемой западноевропейской общественно-политической мыслью с 80-х годов XX в.⁴.

В отличие от европейского подхода, в большей степени сосредоточенного на проблемах охраны окружающей среды и экономики, в латиноамериканской интерпретации главный акцент делается, во-первых, на социальную составляющую этой триады (что вполне понятно), а во-вторых, на фактор вынужденной неустойчивости и проблемности, навязанной региону западной моделью развития. Считается, что изначально эта «неустойчивость», «несбалансированность» была несвойственна Латинской Америке, тяготеющей к собственному, неповторимому, но насильственно прерванному эволюционному пути (так называемому «desarrollo endógeno»). Самым интересным в данной интерпретации является то, что восстановление первоначального плана, «естественной стратегии» развития, в настоя-

щее время возможно, по мнению ряда латиноамериканских исследователей этой проблемы, только в масштабах небольших поселений, организаций или групп.

Характерным примером в данном случае может быть тот факт, что в рамках Национального семинара по социальным наукам, организованного Государственным Университетом Карабобо (Венесуэла), в июне 2011 г., одной из самых популярных тем было обсуждение идеи о создании «зоны устойчивого развития» в рамках национальных университетов. Авторы проекта убедительно доказывали, что, прежде чем переводить вопрос на общенациональный уровень, необходимо обратиться к уровню локальному — в данном случае — к университетам, имеющим значительную автономию, способным контролировать и поддерживать свои ресурсы (энергетические, экологические, человеческие) и своими собственными силами обеспечивать гармоничную среду. Предполагалось, что основными участниками и исполнителями проекта будут сами студенты и преподаватели, с готовностью поддержавшие идею. Показательно, что возможность достичь стадии «устойчивого развития» на более глобальном уровне интересовала участников значительно меньше как однозначно утопическая и лишённая здравого смысла.

Строго говоря, внимание к участию и творческим возможностям человека не является чем-то принципиально новым для Латинской Америки, в которой элементы гражданского общества, низовые социальные связи традиционно отличались жизнеспособностью и устойчивостью к любым, в том числе и самым неблагоприятным, воздействиям. Хорошо известно, что именно организации и структуры гражданского общества помогали выживать в годы жестоких военных режимов в Чили, Аргентине, Уругвае, создавая и поддерживая сеть социальных отношений, не контролируемых авторитарной властью⁶.

Этот опыт, включавший и протестную активность, и неформальную, самостоятельную экономику, и принципы соседской солидарности, сохранился и создал базу для деятельности многих так называемых новых социальных движений — молодежных, экологических, индейских, феминистских и др., возникших в конце прошлого и начале нынешнего века практически во всех латиноамериканских странах и предложивших обществу альтернативные модели развития⁷.

Несмотря на многочисленные идеологические и политические разногласия, все эти движения объединяло одно очень важное (и еще более обостренное сегодня) обстоятельство: глубокая неудовлетворенность развитием современного мира, его растущей социальной несправедливостью и неравенством, дискриминацией различных социальных групп, невозможностью разорвать «замкнутый круг» отсталости и зависимости целых стран. Ярко выраженная альтернативность и протестный накал этих настроений, стремление дополнить и современную экономику, и современную политику «человеческим измерением» стали особенно актуальными в наши дни, на фоне начавшегося в 2008 г. мирового финансового кризиса и определенной разочарованности как национальных правительств, так и надгосударственных структур в возможностях достичь конструктивных результатов.

Таким образом, рассматривая любое из латиноамериканских протестных или просто альтернативных движений сегодня, необходимо иметь в виду два основных обстоятельства. С одной стороны, общий фон драматических предчувствий, свойственный определенным слоям западного общества, углубляющееся

общественное разочарование в достижениях реальной демократии, в универсалистских моделях развития вообще; с другой — традиционная склонность латиноамериканцев к человеческой, конкретной интерпретации событий, к личной активности, практической работе «на местах», улучшающей, дополняющей, а нередко и замещающей государственную политику.

Это относится и к одному из наиболее своеобразных идейно-философских и социально-политических течений Латинской Америки рубежа XX—XXI вв. — Гуманистическому движению, проявившему себя и как идеологическая доктрина, и как социально-политическая практика.

Гуманистическое движение (El Movimiento Humanista) имеет очень мало общего с традиционным западноевропейским понятием гуманизма, к которому апеллирует и от которого якобы происходит. Его трудно понять и трудно оценить объективно вне регионального контекста, если принимать в расчет только сложившуюся и хорошо известную европейскую традицию.

Латиноамериканское Гуманистическое движение (или просто «Движение»), как называют его сами гуманисты) было создано в 1969 г. как форма низовой социальной активности, направленной на улучшение качества жизни и человеческих взаимоотношений усилиями обычных людей. Идеологом и основателем Движения являлся своеобразный аргентинский писатель и философ Марио Луис Родригес Кобос, публиковавший свои работы под псевдонимом Сило. В середине 60-х годов в Аргентине под его руководством возникли небольшие группы левой ориентации, увлеченные идеями и стилем жизни европейских «новых левых», с их принципами альтернативной политики и молодежной контркультуры, к которым добавились идейные установки самого Сило. Созданное на этой базе Гуманистическое движение быстро распространилось и в других латиноамериканских и некоторых европейских странах (Италии, Испании, Португалии), однако наиболее четкое и полно оно оформилось в Аргентине и Чили.

В 1984 г. в Аргентине и Чили были организованы первые гуманистические партии (в Чили еще нелегально, в условиях пиночетовского режима), появились собственные лидеры, стремившиеся к участию в реальной политике, что свидетельствовало о попытке вывести движение на новый уровень, выйти из тени подпольного существования и контркультуры.

В 1989 г. гуманистические партии, существовавшие к этому моменту также в Бразилии, Мексике, Эквадоре, Коста-Рике, Парагвае, Италии, Испании, Португалии, Франции и ряде других стран, объединились в международный Гуманистический Интернационал и провели первый международный конгресс во Флоренции, заявив о себе как о растущем левом политическом течении⁸. Международный опыт гуманистов оказался достаточно заметным и дополнил спектр мировых альтернативных движений собственным характерным оттенком.

В 90-е годы гуманисты вели активную работу в России, посылали своих представителей для организации специальных центров по образцу латиноамериканских, главным образом при московских вузах, рассчитывая на поддержку студентов (например, в МГУ, МГИМО). Совместно с созданным тогда же Московским гуманистическим клубом под председательством д-ра ист. наук, проф. Бориса Иосифовича Коваля состоялось несколько международных конференций и Конгресс Гуманистического Ин-

тернационала в Москве, собравший около тысячи участников из 20 стран мира (в октябре 1993 г.)⁹. На русском языке были изданы программные документы, вышло несколько публикаций, посвященных идеологии гуманистов¹⁰. Это был период усиления интереса к гуманистам в Москве, который затем постепенно стал угасать. Студенческая аудитория, увлеченная в тот момент бурной российской политикой, только частично поддержала предложенные политические инициативы «Движения», показавшиеся весьма наивными, а развитой социальной практики, подобной латиноамериканской, в которую можно было бы внедриться и предложить что-то конкретное, в нашей стране в те годы не было.

Тем не менее «московская страница» истории Гуманистического движения явилась характерным моментом своего времени, со всеми его особенностями — коротким бурным всплеском интереса к различным национальным менталитетам и практикам, перспективам возможного сотрудничества и полным упадком по прошествии нескольких лет. Сегодня, спустя 20 лет, когда очаги нашего гражданского общества становятся все более похожими на латиноамериканскую модель, нацеленную на дополнение и корректировку социальной деятельности государства, а неолиберальная идеология успела продемонстрировать все свои издержки, опыт гуманистов может показаться действительно полезным и актуальным.

Гуманистическое движение до 2009 г. развивалось в трех направлениях: как международная активность, как деятельность национальных партий и как низовая общественная практика собственно «Движения», в которой огромную роль играли социальные связи, волонтеры, сочувствующие и мелкие лидеры. Первоначально «Движение» имело сложную «пирамидальную» структуру, было сформировано по принципу «сетового маркетинга», в котором каждый рядовой участник стремился стать руководителем небольшой ячейки новых сторонников, и так — вплоть до международного уровня, контролируемого уже выделившимися профессиональными лидерами.

После 2009 г. эта «вертикальная» организация была расформирована, и основная деятельность гуманистов переместилась с международного уровня на национальный, в котором преобладают «горизонтальные» связи, социальные сети, «электронная» активность и общение через Интернет. (Из руководящих органов остался только Международный координационный совет, который и организует различные международные кампании, выступает в поддержку современных движений ненасилия, альтерглобалистских акций, за мирное урегулирование ситуации в «горячих точках» планеты)¹¹.

Самым значительным (и, по-видимому, последним в связи с реформированием всей структуры) международным мероприятием Гуманистического движения последних лет стал Всемирный марш за мир, участники которого, путешествуя по различным странам, выражали протест против всех форм насилия, расовой дискриминации и голода. В Москве их принимал 22 октября 2009 г. Институт Латинской Америки РАН. Марш стал инициативой международной организации «Мир без войн», созданной в рамках Гуманистического движения, и стартовал 2 октября 2009 г., в честь дня рождения (2 октября 1869 г.) Махатмы Ганди, объявленного ООН Международным днем ненасилия.

Эта акция была рассчитана на 90 дней и расстояние в 160 тыс. км. Постоянная многонациональная команда из 100 человек должна была посе-

тить более 90 стран на пяти континентах, начиная с Новой Зеландии, и закончить свое путешествие в 2 января 2010 г. Аргентине, у подножия горы Аконкагуа в небольшом поселке Пунта-де-Вакас. Участники путешествия передвигались с помощью всех возможных видов транспорта: самолетом, поездом, автобусом, на велосипедах, кораблях и пирогах, а также шли пешком. Постоянную команду, уже прошедшую часть пути, в каждой стране встречали и поддерживали сторонники Гуманистического движения (поэтому в документах Марша было заявлено, что реальных участников — 1 млн, а виртуальных — 10 млн).

Все сочувствующие этой акции обратились к мировому сообществу со словами: «Наступило время обновления, когда люди вновь совершают путешествия вокруг Земли. Не для того, чтобы удовлетворить свой голод, поработить или ограбить другого, но для того, чтобы протянуть руку брату для примирения и сотрудничества... Теперь обычный человек должен встать во весь рост и превратиться в главное действующее лицо истории»¹². Были сформулированы и требования к правительствам: ядерное разоружение на глобальном уровне; немедленное выведение всех войск с занятых территорий; сокращение обычных вооружений; отказ правительств от использования войны, как средства разрешения конфликтов. В ходе марша проводились конференции, фестивали, выставки, презентации, интервью и встречи с политическими деятелями, представителями различных общественных организаций.

Россия стала одним из этапов на пути марша, в частности, несколько дней было посвящено Москве и Санкт-Петербургу. В ИЛА активисты — представители самых разных профессий из Испании, Италии, Великобритании, Польши, Франции, Бельгии, Чили — провели «круглый стол», посвященный теме ненасилия, разоружения, борьбе с голодом и бедностью, а также идеологии и целям собственно Гуманистического движения. Руководил встречей Б.И.Коваль — в 90-е годы возглавлявший Московский гуманистический клуб¹³. Таким образом, гуманисты вновь, уже на новом этапе, «официально» побывали в России и в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.С.Семеновенко. Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. — Полис, 2012, № 6.

² XVI Congreso de la Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe. Libro de Resúmenes. Antalya, 2013.

³ Л.В.Дьякова. «Этика протеста» против «этики ответственности»: Чили и Уругвай — 2011. — Латинская Америка, 2012, № 5.

⁴ Доклад 1987 г. «Наше общее будущее» Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, возглавляемой Гру Харлем Брундтланд, премьер-министром Норвегии. Она ввела понятие «устойчивое развитие», которое включает экономику, экологию и социальную сферу. Концепция «устойчивого развития» предполагает развитие, сохраняющее ресурсы для настоящего и будущего поколений. — <http://desarrollosostenible.wordpress.com/2006/09/27/informe-brundtland/>